

Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке - исп. Митрофан Сребрянский

Дневник священника 51-го Драгунского Черниговского Ее Императорского высочества Великой Княгини Елисаветы Феодоровны полка Митрофана Васильевича Сребрянского, с момента отправления его в Маньчжурию 11 июня 1904 года по день возвращения в г. Орел 2 июня 1906 года.

Июнь 1904 года

11 июня 1904 года

5.30 утра, пора на вокзал; играет полковая музыка: «Всадники, друзья, в поход собирайтесь...» Итак, наступила минута бросить все родное, что так любил, для чего тратил силы: семью[2], жену, родителей, родных, духовных детей, церковь, школу, дом, библиотеку... Ох, Боже мой, как тяжело!.. Больно в сердце отозвался призыв бросить все и всех и идти в путь далекий на войну!.. Да, если бы не крепкая вера в святые принципы: «Вера, царь и дорогая Родина», то трудно было бы справиться с собою. Но сознание, что мы идем защищать эту «душу» русской жизни и ради этого жертвуем всем, одушевляет, и мы справляемся с собою, бодримся... Приехали на вокзал... масса народу всех званий и состояний... Господи, сколько любви, сколько искреннего сочувствия!.. У всех на глазах слезы, на устах молитвы и добрые пожелания!..

Вот пробиваются сквозь толпу два священника, о. Соболев и Гедеоновский, о. дьякон Институтский и дорогие мои Ив. Ал. и Ев. Ген. с певчими. Начался пред вагоном напутственный молебен. Все кругом плачут, слезы душат и меня. О, незабвенные минуты этой прощальной молитвы! Вот где познается, как глубоко западает утешение религии; молились все действительно от души!

Да благословит Господь устроителей молебна!.. Подошел о. Аркадий Оболенский с причтом; о. Григорий говорил прочувствованное слово о святости предпринимаемого нами подвига, о необходимости бодриться, даже радоваться, что удостоились такого жребия. Кончилась молитва. Я с родными в вагоне; жена держит мою руку и смотрит в глаза мои с такой скорбью, что становятся вполне понятны слова святого Симеона Богоматери: «Тебе же Самой душу пройдет оружие!» Да, еще не сразила никого из нас японская пуля, а оружие уже прошло души наши. Оля[3], отец и мать плачут; дети, мои милые сиротки и Пясковские[4], держатся за мою ясну; и глаза всех на мне...

Ох, тяжело, креплюсь, но чувствую: еще момент — и стон вырвется из груди моей и я дико, неистово разрыдаюсь... Милая Оля, ей самой тяжело, а она меня утешает: как хорошо, что мы христиане. А в окно вагона смотрят не менее скорбные лица духовных детей — орловцев, беспрестанно входят в купе получить прощальное благословение, подают просфоры, подарки... И сколько любви и внимания в этих дарах: вот разворачиваю коробку — очищенные уже орехи сами как бы говорят: «Не портите зубы, мы уже покололи»; вот яблоки, апельсины, вино, консервы, нитки, иголки, шнурки; а вот и рогулечка костяная, чтобы батюшка в дороге занимался рукоделием[5], не скучал; книги; благослови, Господи, эту любовь Своею любовью!.. Под окном беспрерывно поют певчие: «Тебе Бога хвалим», «Под Твою милость прибегаем, Богородице», величание святому Митрофанию, «Аллилуия» и др.

Входит офицер и передает просьбу директора Орловского корпуса благословить кадетов, с радостью исполняю; я так любил всегда и кадетов, и их наставников; как отрадно было молиться с ними 8 ноября; да благословит Господь и их искренне религиозного отца — директора; с пути мысленно благословляю и его, и корпус. Простился с г-ном губернатором, с провожающими и снова в вагоне с родными... не верится, что вот сейчас все эти милые лица скроются с глаз надолго-надолго!.. Третий звонок, трубач подает сигнал ехать... сразу сердце упало. Еще раз прижал к груди своей жену и родных, но... сердце не камень, сколько ни крепись: все рыдают. Можно ли найти человека, который бы в эту минуту сдержал себя?

Мне кажется, нет; по крайней мере, чего боялся я, то и случилось — разрыдался дико, страшно, казалось, вся душа выйти хочет куда-то, а пред глазами жена, почти упавшая на руки близких, родители, родные, народ... все рыдает. Господи, не дай переживать еще такие страшные моменты: кажется, не перенести. Поезд пошел, я уже без удержу плачу на груди моего дорогого доктора Ник. Як. Пясковского, который провожает меня до Тулы. Вдруг взор мой упал на ясно видимую из вагона полковую церковь, и снова слезы и рыдания вырвались из груди моей... моя родная церковь, школа, дом...[6] ведь каждый камень я знаю в них, а сколько пережито там сладких моментов религиозного восторга, общения молитвенного!..

Трудно не рыдать; все пережитое на том святом участке земли за семь лет при этом последнем взгляде пронеслось и вспомнилось в мгновение, и... естественно, я рыдал. Много значит участие в горе человека, особенно родного, друга; это испытал я на себе. Дорогой Коля всю дорогу до Тулы старался развлечь меня, хоть немного забыть столь внезапно наступившее одиночество, и, могу сказать по совести, его участие много облегчило мне горечь разлуки... Вот и родная Отрада[7]. Яков[8] выехал встретить меня на Степенном... Благословил я из окна вагона столь памятную и любезную мне рощу, Малыгину аллею, мой садик.

Как я любил там гулять, размышлять, копаться, читать... прощайте, милые места, когда-то увижусь с вами? Мценск, и снова незабвенные лица духовных детей — Бойкины, Александрова и другие встречают меня; идем в вокзал; буфетчик, приняв благословение, подарил мне к чаю банку чудного меда... Слезы, благословение, молитвы, пожелания и здесь; Орел как будто еще не кончился, дорогой Орел. На станции Бастыево пришли проводить меня гг. Проташинские, ехали с нами одну станцию. Она (Евгения В. Проташинская) подарила мне ложку, прося ею есть и вспоминать ее. Все родное проехали, на станциях никто уже не встречает; сидим в вагоне и беседуем о жгучем для нас недавнем прошлом и будущих трудах. Что-то будет? Что? Воля Божия, без которой и волос не падает с головы человека.

Дай же, Господи, смириться под Твою крепкую, мудрую и любящую руку! Подъезжаем к Туле, встречает комендант г-н Пороховников — чудный человек, ведет нас осматривать привокзальную новую церковь-школу... Я просто поражен: масса света, прекрасный иконостас из серого мрамора, а живопись монахинь-сестер Дивеевского монастыря выше всех похвал... Подали телеграмму от Ивана[9], извещает, что Оля после молебна и слова о. Аркадия Оболенского успокоилась; о, дай Боже. Спасибо дорогому Ивану, теперь и я поеду далее покойнее. Переехали на Тулу Сызрано-Вяземскую, сели в вагоны; простился с моим утешителем — Колей (доктором) и снова со слезами поехал на Ряжск, где стоянка два часа и обед. Устроились с Михаилом Матвеевичем[10] по-домашнему. Окончился навеки памятный день 11 июня; слава Господу, помогшему перенести его; дай, Боже, силы дождаться счастливого дня возвращения!

12 июня

12-е число прошло без происшествий. Ночь спал плохо. С утра занялся осмотром своего провианта и снаряжения; спасибо, что не сам укладывал — вот теперь на полдня интереса, а во-вторых, наверное, протестовал бы против обилия всего сверхнасущенного, но теперь благословляю позаботившихся, так как и путь далек, и потребителей сколько угодно. Осмотревши вещи, занялся обзором своей позиции — купе, чтобы получше устроиться. Как подобает истинно русским людям и христианам, первая моя забота была украсить свою походную храмину иконами: без них как-то неуютно и на душе непокойно. Устроился и радуюсь, как дитя...

Смотрю на фотографию церкви, вспоминаю, как я шел, бывало, служить, вот на эти ступеньки всходил, на этой дорожке говорил с народом... а вот видна школа... в ушах воскресает веселый смех детей, вот мой домик, окошко; вглядываюсь, представляется, что смотрит лицо милой Оли, мамы или дорогих деток... как они любили взором провожать и встречать меня... ах, далеко, далеко уже это теперь и еще дальше будет... Жутко!

Как я всегда был счастлив в моей семейной жизни. Как мне благодарить Бога, что Он удостоил меня принять под свой кров престарелых родителей и хотя немного послужить им. Вот и утешение, какого не купить за миллионы: на войну меня проводили и благословили родители своею рукою!

Оля, родная моя Оля! Так и звучат в ушах ее слова: «Хотя бы раз мы поссорились в нашей прошлой жизни, все бы легче было прощаться...» Да, жили душа в душу, и не только в смысле земной любви и общения, но и в высшем смысле: во все, во что верю я, верит и она, к чему стремлюсь я, что предпринимаю, она вполне разделяет... Как хорошо трудиться вдвоем: посмотрю на церковь, школу, дом — ее участие везде, везде... Благодарю ее за все прошлое счастье!.. Группа с духовными детьми... Дорогие мои, сколько вы явили мне, грешному, любви и сочувствия!..

Ряжск; два часа стоим; пробовали пищу — хуже тульской. Идем обедать и на будущее время решаем, что Гуров[11] будет у нас хозяином. Господи, прости, начинаю грешить — есть скоромное, но что же делать в дороге; успокаиваюсь тем, что духовник разрешил. С нами обедал и едет племянник черногорского князя, молодой человек, Владо Божиевич Петрович, который по своему желанию идет постоять за искренне любимую им Русь-матушку. Он очень образованный, учился в Париже и Женеве; я часто с ним говорю; он очень любит Россию и от всего в восторге. Едем дальше, на станциях стоим страшно долго. Я хожу проведать своего Друга[12]; его полюбили все солдаты за кротость — смиреннее всех в эшелоне.

Пока все здоровы и благополучны. Солдаты на стоянках резвятся, как дети, кувыркаются, рвут цветы, траву, украсили свои вагоны древесными ветвями, как в Троицын день. Никто из них не скучает. Кругом мелькают деревни, церкви, поля, леса, равнины... Хлеба плохи, погода прохладная, дождь; мы оделись во все теплое. Станция Сухарево. Подъезжаем, служится всенощное бдение. Служил молодой священник, пели два телеграфиста. Поставили свечи, приложились к Евангелию и поехали дальше... На душе стало легче, как будто камень свалился... как много значит привычка освящать богослужением праздничные дни.

13 июня

В 4 часа меня разбудили, подали телеграмму от М. П. Степанова[13] — очень было приятно. В 9 часов утра подъехали к станции Фитингоф; стоянка час, решили здесь служить обедницу. Я попросил у начальника станции разрешения совершить богослужение в станционном зале, что он сейчас же и сделал. Тогда я и Михайло[14] вынули походные ризы, Евангелие и крест — великой княгини Елисаветы Феодоровны, подаренные полку... зажгли свечи. Пришел генерал, офицеры, солдаты, и мы не спеша отслужили обедницу. Умилительно было чрезвычайно, пели все и молились от души. Вот уж благодарили мы тогда святой обычаем ставить на станциях иконы; надо было видеть радость всех — от высших и до низших, все говорили одно: «Слава Богу, теперь и для нас настоящий праздник!».

Я даже проповедь говорил на тему, данную дневным Евангелием, о необходимости смириться и в испытании не роптать на Бога, а веровать, молиться и твердо надеяться на помощь Божию. Было много народа и постороннего; при целовании креста я раздавал солдатам и народу книжки и листки, а господам офицерам — ладанки с 90-м псалмом;

все благодарили. Поехали дальше. По дороге среди прекрасной местности на остановках часто играет музыка, и это хотя немного развлекает. По случаю воскресного дня на станциях масса народу, кричат нам «ура», просят сыграть «Коль славен», дают солдатам молоко, яйца, солому, папиросы... Приехали на станцию Пачелма; стоять два часа. Для нас накрыт большой стол; сели всей компанией обедать, вызвали музыку, которая играла весь обед; время прошло оживленно.

Сюда прибыли окрестные помещики с семьями. Внимание нам оказывалось повсюду самое сердечное. При криках «ура» поезд наш тронулся; пошли чудные леса. Ночь наступила дивная, лунная; приехали на разъезд тридцать первый, и здесь снова стоим час среди дремучего леса, облитого светом луны! Что это за восторг, такой ночи никогда не забуду. Конечно, о сне никто и не думал, все офицеры вышли гулять, а солдаты аукались, и отзвуки голосов их разлетались далеко-далеко.

14 июня

В 9-м часу утра подъезжаем к Пензе. Пенза расположена на горе и производит прекрасное впечатление; хорош вокзал. Поехал посмотреть город и купить кое-что. Насколько хороша Пенза из окна вагона, настолько же грязна и неприглядна внутри. Наш Орел — столица перед нею. Тронулись далее. Путь лежит среди дремучего краснолесья; остановились на разъезде Алеевка и пошли гулять по лесу.

Это был отрывок из книги "Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке - исп. Митрофан Сребрянский".

Полную печатную версию книги можно приобрести в церковной лавке Марфо-Мариинской обители.

Адрес: г. Москва, Б.Ордныка, 34

^[2] О. Митрофан Сребрянский, автор писем, бездетен, но у него на воспитании три племянницы-сироты. —

Здесь и далее примечания издания 1906 г

^[3] Супруга о. Митрофана

^[4] Доктор, свояк о. Митрофана

^[5] О. Митрофан в свободные минуты занимался рукоделием

^[6] И церковь, и школа, и дом устроены почитателями о. Митрофана.

^[7] Станция в двадцати четырех верстах от г. Орла, где о. Митрофан ежегодно гостил на даче.

^[8] Кучер помещицы Краш., почитательницы о. Митрофана

^[9] Иван Арс. Рождественский, инспектор Ломжинской мужской гимназии, свояк о. Митрофана

^[10] Делопроизводитель Черниговского драгунского полка

^[11] Офицер Черниговского полка.

^[12] Лошадь о. Митрофана

^[13] Генерал-лейтенант, состоящий при его высочестве московском генерал-губернаторе

^[14] Церковник.

^[15] Принц служил в Черниговском полку и, будучи магометанином, очень уважал о. Митрофана